

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. «Перунъ есть многъ»: исторические сведения, образы, параллели.....	7
Глава 2. «До Ильи поп дождя не умолит...»: небесная влага и плодородие земли.....	114
Глава 3. «Илья-Пророк выхлебал творог»: запреты и предписания.....	157
Глава 4. «Илья-прарок за вадой патёк»: небесная повозка и потусторонние дороги.....	196
Глава 5. «На пророка Илию баранью голову на стол»: заклание и пир.....	231
Глава 6. «Попляшу Илье!»: обычай и обряды дня Громовержца.....	326
Вместо послесловия.....	364
<i>Приложение 1</i>	
Способы варки «сводельскова» пива, а равно и «кануна».....	366
<i>Приложение 2</i>	
Котел, деревянная посуда и прочие принадлежности бывшего варения кануна в д. Сполошной.....	368
<i>Приложение 3</i>	
Перунов праздник в Родопах.....	371
Литература.....	396

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сей мрачный храм вмещал ужасного кумира: // На нем злотый венец, багровая порфира; // Извитые в руке перуны он держал, // Которыми разить во гневе угрожал; // Златые на челе имел велики роги, // Серебряную грудь, имел железны ноги; // Горел рубинами его высокий трон, // И богом всех богов именовался он» (Михайло Херасков. Владимиряда).

Приступая к исследованию обрядности Ильина дня в рамках реконструкции культурного поля, относящегося к образу Перуна, славянского языческого божества грома, автору пришлось столкнуться с рядом вопросов, требовавших решения еще на уровне концепции. Очевидно, что после блестящих работ В.В. Иванова и В.Н. Топорова, посвященных образу Перуна и реконструкции «основного мифа», после десятков статей, глав книг и даже целых книг, разбирающих частные вопросы культа Перуна, сказать что-либо новое в этой области более чем проблематично. Научное изучение образа славянского Громовержца насчитывает более двух сотен лет. Исследованы все дошедшие до нас летописные тексты, говорящие о Перуне, введены в оборот многочисленные фольклорные записи, имеющие отношение к Перуну и наследующему ему св. Илье, сделаны выводы о взаимосвязи этих двух образов. Археологические открытия позволили рассмотреть и материальную сторону культа Громовержца, выявлена наиболее приемлемая этимология имени Перуна. Пересказывать все это – дело неблагодарное даже на уровне историографии, которую уместно оставить специалистам. Поскольку перед автором стояла более узкая проблема, имело смысл во вводной части ограничиться лишь принципиально важной информацией, относящейся к культу Перуна, дабы читатель был в курсе вопроса.

В процессе сбора материала для исследования стало понятно, что далеко не вся информация, сколь бы интересной она ни была, может пригодиться именно в данной работе. Так случилось, в частности, со сведениями о «громовых стрелах», считающихся материальными следами оружия Громовержца. Уникальный материал, вместо того,

чтобы стать приложением к работе о Перуне, послужил основой для самостоятельного исследования, вышедшего отдельной книгой¹. В то же время были обнаружены и другие сведения – если не уникальные, то, по меньшей мере, редкие и труднодоступные читателю, поскольку разбросаны они в малотиражных научных изданиях. Их, как показалось автору, имело смысл обобщить и вновь сделать на них акцент. Подобного рода материалы позволяют узнать о культе и образе Перуна существенно больше, нежели хрестоматийные изложения. Так в данном исследовании появился, среди прочего, разбор вопроса о колеснице Громовержца. Принимаясь как нечто само собой разумеющееся, эта повозка, тем не менее, с одной стороны – создает массу вопросов, с другой же – позволяет многое прояснить в ряде материалов, связанных с Перуном / св. Ильей.

В итоге лишь часть данной книги имеет непосредственное отношение к обрядности Ильина дня. Эта тема прежде не была изучена во всей своей целостности и с привлечением широкого спектра сведений. Вопрос поднимался лишь о некоторых из обрядов при обобщении сведений о св. Илье и описании локальных календарных традиций. При таком подходе создавалось довольно однобокое представление об этом празднике, как практически не имеющем иных специфических черт, кроме заклятия животных и коллективного распития пива. Вроде бы все сходились на том, что праздник этот был значимым, отмечавшимся в обязательном порядке, шумно, с богомольем и песнями, обильным угощением и играми. И в то же время, практически любое его описание чрезвычайно бедно, не говоря уже об обрядовых подробностях. Создается впечатление, что этой обрядности просто нет. Если взять любой крупный праздник славянского народного календаря – Масленицу, Чистый четверг, Юрьев день, Купалу или Коляду – то первым, что бросается в глаза, будет огромное число малых обрядов: всевозможных гаданий, обе-

¹*Влх. Богумил.* «Громовые стрелы» и «чертовы пальцы»: магические практики в традиции славян. – М., 2015.

регов, иных магических действий разного рода. Великое множество вариантов их в локальном исполнении только увеличивает пестроту соответствующих праздников. И ничего этого вроде как не наблюдается в отношении Ильина дня. Что создает проблему иного плана: по сути, невозможно ретроспективно судить о том, как мог праздноваться славянами-язычниками Перунов день. Предлагаемые реконструкции принимаются безоговорочно лишь на основании формальной логики («так могло быть»), но практически никакой поддержки этнографическими материалами они не имеют. Это серьезное упущение и призвана восполнить данная работа – дань автора Громовержцу. Проанализированный обобщенный материал по обрядности Ильина дня позволяет не только проводить такие реконструкции более обоснованно, но и иначе взглянуть на этот вроде бы хорошо известный праздник.

01.09.2015 – 22.12.2015

ГЛАВА 1

«Перунъ есть много»: исторические сведения, образы, параллели

Перун – вероятно, самый известный из Богов славянского языческого пантеона. О нем, одном из немногих, более-менее подробно говорят школьные учебники, и потому-то, если разговор между обывателями касается языческих верований славян, припоминают обычно Перуна и Велеса. При этом Велесу «повезло» даже больше, и известность его сыграла дурную шутку с памятью о Божестве – его именем называют торговые дома, транспортно-экспедиционные, инвестиционные, фармацевтические и оконные кампании. Перун как раз такой славы не имеет, оно и к лучшему...

Задача нашего исследования, как уже говорилось, не состоит во всеохватном изложении образа Перуна и мифов о нем, в связи с чем мы постараемся в первой главе описать лишь наиболее принципиальные для понимания моменты. Для более подробного ознакомления с вопросом следует обратиться к трудам А.Н. Афанасьева (Афанасьев 1, С. 244-305), Й. Иванова (Иванов 2005), В.Н. Топорова и Вяч.Вс. Иванова (Иванов-Топоров, С. 4-192), Б.А. Рыбакова (ЯДС, С. 417-420), Б.А. Успенского (Успенский, С. 34-41), М.А. Васильева (Васильев 1999, С. 201-244) и др. Здесь же имеет смысл привести лишь наиболее важные для изучения культа Перуна упоминания его – от страниц исторических хроник до фольклорных текстов.

Впервые о Громовержце славянского язычества сообщает византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) – впрочем, не называя его имени, не сочтя это нужным для своего труда или вовсе его не зная: *«Они считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»* (Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. – М., 1996. Пер. С.П. Кондратьев). Иные из исследователей считают отсутствие имени принципиальным моментом и впадают в гиперкритицизм, отрицая отношение этого сви-

детельства к культу Перуна. Однако подобные критики не учитывают общеизвестное обстоятельство. Для античной традиции характерно, блистая перед читателями эрудицией, вдаваться в описания причудливых обрядов варваров, одновременно с тем пренебрегая именами чуждых им Богов. Это и невнимательность к подобным «мелочам», и банальное незнание этих имен, и неумение адекватно передать звучание чужого теонима, и спесь по отношению к варварским суевериям. Для коммуникации с читателем хватало поражающих воображение причуд иноземных культов, а имена Богов, если уж до них все же доходило, зачастую «переводились» по аналогии, и вот уже скифы чтут Ареса и Геракла, а германцы – Меркурия и Марса... Имя Громовержца славян мы узнаем из славянских же источников.

1. *«В житии святого Димитрия Солунского находим интересное сведение о боге Пирине. В 676 году, при осаде Солуни славянами, воевода их Хацон спросил, по своему обычаю, у оракула, удастся ли ему войти в город. Пирином (εχ του Πυρηνου) сказано ему было в ответ (как это стоит в болгарском издании жития), что войдет»* (Иванов 2005, С. 14).

2. Именем Перуна клянутся русы, заключавшие договора с греками в X в.

Олег: *«Цесарь же Леон с Александрьмь мир сътвориста с Ольгьм, имьшеся по дань и роте заходивьше межю собою, целовавьше сами кръст, а Ольга водивьше на роту и мужа его по Русьскому закону и кляшася оружием своимь и Перуньмь, богьмь своимь и Волосьмь скотиемь богьмь и утвердиша мир»* (911 г.);

Игорь: *«Иже помыслить от страны Рускыя раздрушити такую любовь, /.../ а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не уцятятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими, и от стрель и от иного оружья своего, и да будут раби и в сий векъ и будущий. /.../ Аще ли же кто от князь и от людий рускыхъ или крестьянъ, или некрещеный переступить все, еже написано на харотье сей, и будет достоинъ своимь*

оружьемъ умрети, и да будет клять от Бога и от Перуна, и яко преступи свою клятву. /.../ И наутрея призва Игорь сли, и приде на хольмы, где стояше Перунъ, и поклагоша оружья своя, и щиты и золото, и ходи Игорь роте и мужи его, и елико поганья руси, а хрестьяную русь водиша въ церковь святаго Ильи, яже есть надъ Ручьемъ» (945 г.);

Святослав: «Аще ли от техъ самехъ и преждедеченыхъ не храним, азъ же и со мною и подо мною, да имеемъ клятву от Бога, в неже веруемъ – в Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будем золоте, якоже золото се, и своимъ оружьемъ да иссечени будемъ, да умремъ» (971 г.).

3. В дальнейшем о Перуне много раз упоминается в связи с так называемой «реформой» князя Владимира. Начало (980 г.): *«И нача княжити Володимерь въ Кыеве единъ, и постави кумиры на хълме вьне двора теремнаго, Перуна древяна, а главу его сьребряну, а усъ златъ, и Хърса Дажьбога и Стрибога и Семарьгла и Мокошь», «и пришед Добрыня к Новугороду, постави Перуна кумира над рекою Волховом, и жряхуть ему людье новгородьстии акы Богу» (Новгородская первая летопись).*

И конец (988 г.): «И яко прииде, и повеле кумиры испровреци, и ови иссеци, и другья огневи преда; Перуна же повеле привязати коневу къ хвосту и влещи с горы по Бирицеву на Ручаи, и 12 мужа пристави бити жезлиемъ. Се же не яко древу чююцу, нь на поругание бесу, иже прелицаше симъ образомъ человеку, да възместье прииметь от человекъ. Велии еси, господи, чюдна суть дела твоя; вчера чтимъ от человекъ, днесь поругаемъ. Влекуму же ему по Ручаеви къ Днепру, плакахуться его невернии людие, еще бо бяху не прияли святого крещениа. И привлекша и, вринуша и въ Днепръ. И пристави Володимерь, рекъ сице: «аще где пристанеть, то отрешите и от берега, дондеже проидет порогы, охобитесь его». Они же повеленое створиша; и яко пустиша и проиде сквозе порогы, изверже и ветръ на рень, и оттоле прослыся и Перуня рень, яко и до сего дни словет... И... повеле рубити церкви и поставляти по местомъ,

идеже стояша кумиры; и постави церковь святого Василья на холме, идеже стояша кумиры Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людие», (989 г.) «И прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи въ Волхово; и поверзьше ужи, влечаху его по калу, биюще жезлеемъ; и заповеда никому же нигде же не прияти. И иде пидьблянинъ рано на реку, хотя горънцевести в город; сице Перунъ приплы къ берви, и отрину и шистомъ: «ты, рече, Перушице, досыти еси пиль и яль, а ныне попллови прочь»; и плы съ света окошьное...», «вшель беаше бесъ въ Перуна и нача кричати: «О горе! Охъ мне! Достяхся немилостивымъ симъ рукамъ». И вринуша его въ Волховъ. Онъ же попллове сквозе Велии мостъ, верже палицю свою на мостъ и рече: «На семь мя поминають Новгородьскыя дети». Ею же ныне безумнии убивающиеся утеху творять бесом». Реформы как таковой, безусловно, не было – князь не насаждал новые представления, но лишь обустроил ряд мест, надобных для его собственных религиозных нужд. Летописец, за неимением иного материала, расписал то, что было в его доступе, а уже исследователи постарались выжать из данного изложения все, что можно, и даже чего там не было, пускаясь в откровенные фантазии.

В главе 30 трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного встречается имя хорватского архонта Порина: «*И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов*». Данная глава, по мнению исследователей, была добавлена в трактат, написанный между 948 и 952 гг., позднее, приблизительно между 955 и 973 гг., и не императором, а каким-то неизвестным писцом (Алимов, С. 22). Традиционный комментарий загадки тут не видит, предлагая простое решение: «*Ныне признано, что Порин в гл. 30 и Порг в гл. 31 – одно и то же лицо: хорватский князь Борна (ум. 821). Вполне возможно, что в его правление и произошло крещение хорватов*». Это упоминание читается следующим образом: «*Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга*». Совпадение фрагментов действительно

имеется. В хорватской генеалогической традиции имя князя Борна отсутствует – его обнаруживают в «Анналах королевства франков», где тот назван герцогом Далмации, гудусканов и тимокиан. Так что сближение имен Пори́на и Борна – не более чем гипотеза. Вместе с тем, выдвинуто мнение, что под неясной фигурой Пори́на отразился Перун, возможно, почитавшийся в этно-генеалогических легендах хорват того времени, как небесный покровитель их народа (Milošević, s. 130). Версию А. Милошевича разделяет Д.Е. Алимов: «Порин, видимо, был не земным, а небесным правителем хорватов» (Алимов, С. 51). Второе имя могло появиться в результате неверного прочтения греческой буквы «ню» как «гаммы»: Порва / Порυα. Либо мы имеем дело с локальной модификацией имени Громовержца, предположительно, отмеченной у сербов Боснии (Виторог, Сарајевско поле). Там записан ритуальный возглас «Зове Пурго на орање», который кричала молодежь, разжигая огонь после обряда венчания (СМР, С. 261). Перун, как мы увидим далее, неразрывно связан с идеями плодородия и пахотой (ораньем), а также имел отношение к свадьбам.

4. После летописных сообщений имя Перуна упоминается в литературно-историческом поле в разнообразных поучениях против язычества: «и вероуютъ въ Пероуна, и въ Хърса и въ Сима, и въ Рыла, и въ Мокошь, и въ вилы, их же числомъ тридесяте сестрениць, глаголють оканьнии и невелигаси, и мнятъ богинями», «иже молятъ подь овиномъ. огневи. и виламъ и мокоши (i) симу. (i) релгу и перуну и волосу скотью б(ог)у. (i) роду и рожаницамъ» («Слово некоего христороубца». XI в.),

«Трояна, Хорса, Велеса, Пероуна на богы обратиша, бесом злым вероваша и доселе мраком злым содержими суть, того ради zde тако мучатся» («Хождение богородицы по мукам». XII в.),

«се же словени начаша требы класти родоу и рожаницамъ (преже) пероуна б(ог)а ихъ. а преже того клали оупиремъ. требы и берегинымъ по с(вят)т(о)мъ кр(е)щению. пероуна извъргоша. а по х(рист)а б(ог)а яшася. но и ныне по оукраинамъ молятся ему. про-

клятому б(о)гу пероуну. хорсоу мокоши. виламъ. И то творять отай» («Слово св. Григория».XIII в.),

«приступиша къ идоломъ и начаша жрети молнии и грому и солнцю и луне, а друзии Перену, Хурсу, виламъ и Мокоши» («Слово св. отца нашего Иоанна Златоуста о том, како первое погании веровали».XIV в.),

«Безбожный же царь Мамай, видев свою погыбель, нача призывать богы своа Перуна и Салавата и Рахлиа и Гурса и великого своего пособника Махмета» («Сказание о Мамаевом побоище».XV в.),

«Того ради не подобает хрстіаном игръ безовских играти, иже ест плясаніе, гудба, песни мырскыя и жрътва идлъскаа, иже молятся огневи пред овином и вилам и Мокошии и Симу и Ръглу и Перуну и Роду и Рожаници...» («Слово о мздоимании».XVI в.),

«Идеже бо в Муромстей стране пройдеши, нигде не услышиши проклятых многобожных имен, ни Перуна, ни Ждабога, ни Мокоша, им же погании требы творяху» («Житие Константина, Муромского князя».XVI в.), «иные по оукраіамъ молятся емоу проклятым болваном перену, хорсоу, мокиши, виламъ... в прелестъ великоу не видят мняще богы многы пероуна и хорса дья и трояна и инии мнози, ибо яка то человецы были суть старейшины пероунъ в елинех, а хорс в Кипре, троянь бяше царь в Риме» («Слово и откровение святых апостолов».XVI в.),

«мняще богы многы, Перуна и Хорса, Дья и Трояна, и инии мнози, ибо яко то человецы были сут старейшины, Перунъ въ елинехъ, а Хорсъ въ Кипре» («Слово и откровение святых апостол».XVI в.),

«Уклоняйся пред Богомъ невидимыхъ, молящихъ человекъ роду и роженицам, Поревну и Аполовину и Мокоши» («Поучение духовным детям», по списку Болотова; цит. по:Мансикка, С. 224),

«ли сплутила еси з бабами богомерьскыя блуды, ли молилася еси виламъ, ли роду и роженицам и Перуну и Хурьсу и Мокоши, пила и ела?» (устав преп. Саввы XVI в.), «верующе в Перуна», «молятся (...) Перуну» («Златая цепь».XIV-XV в.).

Эти упоминания – лишь общее место, перечисления имен языческих Богов, поклонение которым (действительное или мнимое, надуманное обличителем) осуждается. Вполне вероятно, что большей частью они восходят к летописным сведениям о «реформе Владимира». Однако и здесь имеются любопытные исключения: *«Два ангела громная есть, елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина»* («Беседа трех святителей».XVI в.). В оригинале вместо Перуна упомянут Аполлон. Сходным образом переводчик «Александрии» (XV в.), пополнив ее рассказом Палладия о рахманах, заменил Зевса именем Перуна: *«радуйся, оучителю Вѣрахмановъ, сынъ божши, Пороуна велика, царь Александръ, еже есть всемъ человекомъ владыка, зоветъ есть тя»* (Истрин, С. 114-115).

5. У более поздних авторов, что само по себе очень странно, появляются детали, которых не знали летописцы и христианские проповедники, заставшие культ Перуна вполне еще живым. М. Стрыйковский в «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» (1582 г.) первым приводит любопытную детализацию атрибутов Перуна: *«В этом месте возвышался некогда идол Перуна, там, где ныне находится монастырь, названный по имени этого идола. Ему поклонялись новгородцы. Он представлял человека, держащего в руках камень наподобие сверкающей молнии, который был украшен рубинами и сапфирами. /.../ В память этого идола днем и ночью горел костер из дубовых поленьев; если он потухал по небрежности слугителя, которым был поручен присмотр за ним, то их безжалостно предавали смерти»* (Strykowski, s. 126). Текст этот неоднократно переписывался другими авторами, включая Адама Олеария, побывавшего в Новгороде в 1654 г.: *«У новгородцев, когда они еще были язычниками, был идол, по имени Перун – бог огня (русские «перуном» зовут огонь). На том месте, где стоял идол, построен монастырь, сохранивший еще название от него: «Перунский (Perunzki) монастырь». Идол имел вид человека, а в руках держал кремень, с виду похожий на громовую стрелу или луч. В честь идола этого они днем и ночью жгли костер из дубового леса, и если прислужник из*

лени давал погаснуть огню, его наказывали смертною казнью», и Иннокентия Гизеля, издавшего свой «Синописис» в 1674 г.: «В первых постави начальнойшаго кумира именем Перунга, бога грома, молнии и облаковъ дождевныхъ, на пригорке высококъ надъ Буричовымъ потокомъ по подобию человеческу: тулубъ его бе отъ древа хитростине изсеченъ, главу имущъ слиянну отъ сребра, уши златы, нозе железны, в рукахъ же держаше камень, по подобию перуна палающа, рубинами и карбуккулемъ украшенъ, а предъ нимъ огонь всегда горяше. Аще же бы по нерадению жреческому ключилося огню угаснути, того ради жреца, аки врага бога своего, смертию казняху». Источник М. Стрыйковского неизвестен. В предшествующих по времени русских летописях подробностей про камень нет. Возможно, эта информация позаимствована из литовской традиции, и тогда прямого отношения к славянскому Перуну не имеет. После статьи за 1323 г. «Хроника Литовска и Жмойтська» (нач. 40-х г. XVII в.) сообщает о литовском князе Гедимине: «Поставил еще Кгедимин болвана перунова з камня кременистого великого, с которого огонь попы поганские огонь кресали, в руках держачи» (Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. ПСРЛ. Т. 32. – М., 1975, С. 41). Более близкого по времени к Стрыйковскому текста пока установить не удалось.

Г. Шлейзинг в книге «Древняя и современная религия москвитов» (1698 г.), ссылаясь на некоего еврея, описал будто бы действовавший в Киеве в недавнее время языческий храм, в котором стояли изображения четырех Богов: *Pioruni, Mokossi, Chorsi, Stribi* (La Religion ancienne et moderne des Moscovites, s. 5). Сообщение это, безусловно, не вызывает особого доверия. Иллюстратор книги Шлейзинга, изошряясь, изобразил Перуна едва ли не самым нелепым образом, в виде злобного пса с женской грудью. Впрочем, это изображение в известной степени перекликается с двуликим идолом из прильвицкой коллекции подделок, что было отмечено А. Бычковым (Бычков, С. 67-69). Один из ликов показывает бородатого муж-

чину, голова которого окружена 9-10 лучами, а на теле прочитываются рунические надписи с именем Перкун и Перкунуст, треугольник же, видимый спереди, предлагается трактовать как *«лемех плуга, необходимый для испытания»*(см. далее о Проно). А вот обратная сторона *«больше всего похожа на голову льва»* (Маш, С. 128-132, 264). Но, с учетом того, что коллекция эта, со слов одного из владельцев ее, была «найдена» в начале 1690-х годов, можно подозревать знакомство изготовителя подделки с вышедшей в это же время книгой.

Впрочем, длинные уши пса могут быть отсылкой к описанию идола Бога Проно (Прове) – так, по-видимому, звучало имя Перуна у некоторых из западнославянских племен: *«Ибо, помимо роцц и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог альденбургской земли», «Возвращаясь оттуда, он посетил Ольденбург, где некогда находилась кафедра епископа, и был принят язычниками, жителями этой земли. Богом их был Прове. Имя же жреца, который возглавлял их суеверия, было Мике», «Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и со жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывалось в приюте»* (Гельмольд, «Славянская хроника», 1.52, 69, 83. 1167-1168 гг.; Tkánu, s. 77). В «Саксонской хронике» Конрада Бото (1495 г.) появляются подробности изображения Прове: *«1123 г. В Ольденбурге был бог, именовавшийся Прове, и он стоял на столбе, и имел в руке красное железо испытаний, и имел знамя и длинные уши, и пару сапог, а под ногой – колокол»*. По описанию Гельмольда последующими авторами был

сделан вывод, что Прове был Богом правосудия: *V. DeProve, deosivepraesideJustitiaacfori* «Проно – Бог или покровитель правосудия и общества» (Schedii, s. 751)². Но это никак не следует из текста «Славянской хроники»; что же до «железа испытаний», то почти наверняка это был какой-то из вариантов «громового камня». Любопытно почти точное соответствие между изображениями Прове европейскими иллюстраторами и миниатюрами Радзивилловской летописи, показывающими Перуна. Обе фигуры стоят на столпах, в руках держат копьё и сходной формы щит, а в одном случае у Перуна даже сходный с Прове шаг.

Среди упомянутой выше прильвицкой коллекции подделок обнаружилось и изображение Прове: *«Прильвицкий божок с именем Прове /.../ отлит из смеси свинца и серебра, выпуклый и уплощенный, имеет большую голову, почти квадратную, лыс со лба, имеет длинные волосы на теле /.../ Одет в длинное платье со складками, связанное на груди в извилистые узоры заплетенными тесемками, с длинными рукавами в складках. Плечи Прове опущены, одна рука уперта в бок»* (цит. по: Маш, С. 311), в другой руке – треугольный предмет, в котором опознают сошник Прове, но с тем же успехом это мог бы быть и громовой камень Перуна. Удивительное дело, но у немецких коллег нашлись польские подражатели, создавших к поддельному изображению Прове аллюзию – точно такого же Прове, и тоже с надписью – на одном из так называемых «микоржинских камней», якобы обнаруженных в 1855 г. Надпись читали самыми разными способами, неизменно находя в ней имя Прове: *«Прове, вселенная, Бел(обог)»*, *«Сход к великому Прове»*, *«Примирение кметю Прове»*, *«Мир! Слава Прове»*, *«умер кметь (слуга, селянин) Прове»* (Szulc 1876, s. 136). Подделку быстро разоблачили, и теперь она упоминается лишь как исторический курьез. В поддельных чешских глоссах, внесенных в

² В этот же список добавлен и прусский Перкун: *XII. DePercuno, deotonitrrus&fulguris*.

«Materverborum» (IX в.), приведено отождествление: *Perun – Jupiter*, а относительно Деваны сказано, что она *Perunovadci* «дочь Перуна».

Имя Перуна видят в названии древнего западнославянского города Пархим (Пархом, первое упоминание 1170 г.), ныне расположенного в Германии, о чем толковали и местные жители. Так, Н. Маршалк в *Annales Herulorum ac Vandalorum* (1521 г.) писал: *«Пархун, названный в честь идола, изображение которого, отлитое из чистого золота, как до сих пор еще верят, спрятано где-то поблизости»* (Пауль, С. 269). А.Й. Вестфален даже привел в XVIII в. изображение Пархима, вполне соответствующее облику Громовержца. Выдвигалось предположение, что во французской эпической поэме «Песнь о Роланде», созданной в XII в., сохранились имена некоторых славянских Богов, в частности, Перун – под именем *Varaton* (Аничков 2016, С. 528).

Встречается имя Перуна и в народных преданиях. В 1858 г. П.И. Якушкин записал под Новгородом возле Перынского скита следующую легенду: *«Этот зверь-змьяка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот зверь-змьяка ходил спать в Ильмень озеро с Волховскою коровницею. Перешел змьяка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер-князь в Киеве; тот самый Володимер князь, что привел Руссею в веру крещеную. Сказал Володимер князь: «Всей земле русской – креститься». Ну и Новгороду тожь. Новгород окрестился. Чорту с Богом не жить: Новый Город схватил змьяку-Перюна да и бросил в Волхов. Чорт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору – к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью – да и на берег! Володимер князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! От того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скит тоже Перюньской»* (Якушкин 1860, С. 118). Текст этот не представляет серьезного интереса для исследователей, поскольку *«явно отражает книжное предание (Мазуринский летописец) о чародее Волхове, который жил в реке в образе «лютого зверя крокодила» – тело крокодила,*